СЕРГЕЙ ВЯЗЕМСКИЙ

ДЕЛО КООПЕРАТИВА "ВЕКТОР"

Хроника необъявленной войны

МУР И ПРОКУРАТУРА ◆ ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Сергей Вяземский

Дело кооператива Вектор

«Автор»
2026

Вяземский С.

Дело кооператива Вектор / С. Вяземский — «Автор», 2026

Осень 1993 года. В неотапливаемом тупике Очаково обнаружен расстрелянный председатель кооператива «Вектор» Илья Штерн. На первый взгляд это рядовая криминальная разборка эпохи первоначального накопления капитала. Однако старший следователь городской прокуратуры Андрей Родионов и капитан МУРа Михаил Скворцов выясняют, что через счета кооператива шли эшелоны стратегического титана, липовые авизо и миллиарды рублей, исчезавшие в зарубежных офшорах. Нити расследования тянутся к высшим чиновникам министерств, теневым банкирам и генералам госбезопасности. В дни острейшего политического кризиса в Москве сыщикам предстоит вступить в схватку с безжалостной финансовой машиной, для которой человеческая жизнь не стоит ничего.

© Вяземский С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Выстрел на третьем складе 5
Глава 2. Кооперативный пирог 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Дело кооператива Вектор

Глава 1. Выстрел на третьем складе

Март девяносто третьего года в Москве выдался сырым, гнилым и тревожным. Днем с серых крыш пятиэтажек на окраинах срывалась грязная капель, а к полуночи промерзший асфальт покрывался стекловидной коркой черного льда. Порывистый ветер с Москва-реки гнал над Очаковской промзоной тяжелый дух мазутной гари, кислой квашеной капусты с плодоовощной базы и остывающего шлака. Уличное освещение вдоль тупиковой ветки железной дороги отключили еще в начале зимы из-за долгов районного управления перед Мосэнерго, и длинные кирпичные корпуса бывших плодоовощных складов тонули в сплошной, вязкой темноте. Лишь на дальнем углу складского комплекса кооператива «Вектор» дрожал тусклый желтый конус света, падавший от одиночного прожектора над массивными воротами ангара номер три.

Служебный милицейский УАЗ с синей полосой и облупленной надписью на дверях с трудом преодолел глубокую колею, взревел мотором на обледенелом подъеме и замер возле бетонного пандуса. Из салона тяжело выбрался следователь по особо важным делам Московской городской прокуратуры Андрей Викторович Родионов. Ему было около сорока, но глубокие резкие складки у крыльев носа и тронутые ранней сединой виски старили его лицо, придавая ему выражение упрямой, въевшейся усталости. Родионов поднял воротник темно-серого драпового пальто, пропахшего дешевым табаком «Ява» и казенным теплом прокурорских кабинетов на Новокузнецкой, и глубоко затянулся.

Рядом с ним хлопнула пассажирская дверь. Капитан милиции Михаил Скворцов, старший оперуполномоченный убойного отдела МУРа на Петровке, энергично спрыгнул на мокрый бетон, брезгливо перешагивая через радужные маслянистые лужи. Скворцов был на восемь лет моложе следователя, носил короткую кожаную куртку на синтепоне, широкие турецкие джинсы и теплые армейские берцы. Его цепкий, подвижный взгляд моментально ощупал темные окна караульного помещения, цепочку тупиковых железнодорожных платформ и припаркованный у рампы темно-вишневый седан «Вольво-740» с затемненными стеклами и номерами престижной московской серии.

«Хорошая тачка», негромко процедил Скворцов, кивнув на иномарку. «Шведка, инжекторная. На таких сейчас только верхушка совместных предприятий катается да авторитетные бригадиры с юго-запада. Номера новенькие, коммерческие. Выходит, слухи не врали: кооператив Ильи Штерна живет на широкую ногу. Только вот хозяин теперь вряд ли на ней прокатится».

«Погоди с выводами, Михаил», тихо отозвался Родионов, бросая окурок под колесо патрульной машины. «Сначала посмотрим на обстановку. Дежурный по городу сказал, что звонок поступил около половины первого ночи. Звонил сторож. Говорил сбивчиво, твердил про нападение бандитов и стрельбу. Эксперт уже внутри?»

«Семеныч еще полчаса назад приехал на своей санитарке», кивнул опер. «Матерился на ямы в промзоне, обещал, что если пробьет картер, прокуратура будет оплачивать ремонт из собственного фонда».

Они поднялись по скользким бетонным ступеням пандуса. Тяжелая железная дверь складской конторы была распахнута настежь. В узком коридоре, обшитом дешевой вагонкой и пахнущем сыростью, растворителем и дорогим импортным одеколоном, топтались двое сержантов патрульно-постовой службы в засаленных бушлатах. В углу на колченогом стуле сидел пожилой мужчина в потертом ватнике с трясущимися руками, судорожно сжимавший алюминиевую кружку с остывшей водой. Это был ночной сторож Федор Кузьмич.

Кабинет председателя кооператива «Вектор» Ильи Борисовича Штерна находился в самом конце коридора. Это помещение резко контрастировало с убожеством промзоны: на полу лежал толстый бельгийский ковер вишневого цвета, вдоль стены выстроились полированные финские шкафы из светлого ясеня, в углу стоял громоздкий японский телевизор «Панасоник» с видеодвойкой, а на широком массивном столе красовался телефонный аппарат с кнопочным набором и факс «Панасоник», в приемном лотке которого белел длинный бумажный рулон.

В центре кабинета, в глубоком кожаном кресле на колесиках, полулежало тело хозяина. Илья Штерн, плотный мужчина сорока пяти лет с аккуратно подстриженной бородкой и залысинами, был одет в добротный темно-синий шерстяной пиджак и белую шелковую рубашку, ворот которой был расстегнут. Его голова неестественно запрокинулась назад, упираясь затылком в мягкий подголовник. Глаза коммерсанта были широко открыты и застыли, уставившись в потолочный светильник дневного света, который мерно и противно гудел.

На белой манишке рубашки, прямо над левым нагрудным карманом, темнело небольшое, почти аккуратное круглое отверстие диаметром около девяти миллиметров. Вокруг пробоины ткань пиджака слегка обуглилась, образовав темно-серый ореол пороховой копоти. Крови снаружи было немного: плотная шерсть впитала густой бурый сгусток, не дав ему растечься по ковру.

Возле кресла на корточках сидел пожилой судебно-медицинский эксперт Семен Семенович Коваль, бережно приподнимая веко погибшего тонким пинцетом.

«Здорово, комиссары», проворчал эксперт, не оборачиваясь. «Хорошо, что явились. А то в этом очаковском медвежьем углу даже телефонная линия трещит так, будто на дворе сорок первый год».

«Что скажешь, Семеныч?» Родионов подошел ближе, стараясь не наступать на рассыпанные по полу бумаги. «Смерть мгновенная?»

«Абсолютно», ответил Коваль, снимая тонкие резиновые перчатки. «Один выстрел в область сердца. Пуля пробила левый желудочек, аорту и застряла где-то под правой лопаткой. Судя по пояску обгорания и частицам несгоревшего пороха на ткани, стреляли в упор, максимум с расстояния в десять-пятнадцать сантиметров. Ствол, скорее всего, девятимиллиметровый Макаров или чешский Чезет. Никакой борьбы не было. Погибший сидел совершенно спокойно, разговаривал с убийцей. Более того, он сам впустил его в кабинет и налил ему коньяка. Вон, поглядите на приставной столик».

Родионов перевел взгляд на круглый журнальный столик из темного стекла. На нем стояла початая пузатая бутылка французского коньяка «Камю» и два хрустальных бокала. В одном оставалось темное янтарное донышко, второй был выпит полностью. Никаких отпечатков пальцев на полированном стекле эксперт не обнаружил: тонкий серый порошок магнитной дактилоскопической кисти не выявил папиллярных линий. Убийца либо работал в тонких кожаных перчатках, либо тщательно протер стекло салфеткой.

«Профессионал», констатировал Скворцов, обходя кабинет по периметру. «Никакой лишней пальбы, никакой паники. Пришел, выпил коньяку, спокойно поднял ствол и нажал спуск. Штерн даже дернуться не успел. Семеныч, а точное время зафиксировал?»

«Около полуночи», уверенно произнес Коваль. «Температура тела еще высокая, трупные пятна только начинают формироваться в поясничной зоне, окоченение слабое. Плюс-минус полчаса. Точнее скажу завтра в морге после вскрытия».

Родионов тем временем подошел к тяжелому двухсекционному сейфу марки «Диболд», встроенному в капитальную кирпичную стену за спиной кресла Штерна. Тяжелая стальная дверца сейфа была распахнута настежь. Внутреннее пространство выглядело разграбленным, но весьма специфическим образом.

На верхней полке нетронутыми лежали несколько увесистых пачек сторублевых купюр образца девяносто третьего года и тонкая пачка стодолларовых банкнот с портретами Франклина, перехваченная аптечной резинкой. Рядом сияли золотые швейцарские часы «Омега» и лежал новенький газовый револьвер в пластиковой кобуре. Деньги и драгоценности нападавшего не интересовали вовсе.

Нижняя секция сейфа, предназначенная для бухгалтерских гроссбухов и архивных папок, была полностью выпотрошена. На металлическом дне белели клочья разорванной плотной бумаги, а в оцинкованном мусорном ведре у стола чернела горсть пепла. Кто-то методично и хладнокровно сжег документы прямо здесь, полив их содержимым графина со спиртом, стоявшим в баре.

«Смотри, Андрей Викторович», позвал Скворцов, указывая на угол письменного стола. «Факс работал прямо перед выстрелом».

Родионов склонился над аппаратом. В лотке застрял лист термобумаги, оборванный снизу. Верхняя часть листа уцелела. На ней виднелась дата отправки - двенадцатое марта, двадцать три часа сорок две минуты, телефонный код Австрии, город Вена, и название банка: «Кредитанштальт Банкферайн». Ниже шла короткая латинская строка с номером корреспондентского счета и кодовым словом «Вектор-Транзит», за которым следовала сумма: шесть миллионов четыреста тысяч долларов США. Сама текстовая часть сообщения была грубо оторвана, на краю виднелся лишь крошечный бурый отпечаток пальца.

«Шесть с половиной лимонов зелени», присвистнул Скворцов, заглядывая через плечо следователя. «Для мартовской Москвы девяносто третьего года это просто фантастика. На эти деньги можно купить половину этого долбаного завода вместе со всеми складами, рабочими и директором в придачу. Откуда у скромного кооператора такие валютные аппетиты?»

«Вот это нам и предстоит выяснить», тихо сказал Родионов. Он достал из кармана полиэтиленовый пакет и аккуратно пинцетом извлек застрявший лист термобумаги. «Осторожнее с краем, Миша. Тут смазанный отпечаток. Может, киллер торопился, оторвал подтверждение проводки и случайно задел бумагу пальцем без перчатки. Отправь срочно в лабораторию на Петровку».

Дверь скрипнула, и в кабинет заглянул сержант: «Товарищ майор, там сторож вроде в себя пришел. Плачет, говорит, что готов говорить, только умоляет охрану ему дать».

Родионов и Скворцов вышли в коридор. Сторож Федор Кузьмич сидел, ссутулившись, его губы мелко дрожали, а взгляд бегал по серым стенам, словно он ожидал внезапного удара из темноты.

«Ну что, Кузьмич, рассказывай», мягко произнес Родионов, присаживаясь напротив старика на деревянный ящик из-под консервов. «Кто приезжал к Илье Борисовичу? Кого ты впустил через главные ворота?»

«Да не впускал я чужих, товарищ следователь, ей-богу, не впускал!» взмолился старик, прижимая ладонь к впалой груди. «Штерн сам предупредил еще в девять вечера: говорит, жду важного гостя по личному делу, ворота держи на цепочке, а как посигналят два раза коротким, открывай без разговоров. Около одиннадцати приехала машина. Не та, что у крыльца стоит, а другая. Черная, длинная, вроде как правительственная «Чайка» или старая партийная «Волга» с занавесками на окнах. Из нее вышел человек. Высокий такой, плотный, в каракулевой шапке пирожком и длинном драповом пальто с бобровым воротником. Лица я не разглядел, темнота кругом, да и шарф у него был натянут до самого носа. Он прошел в контору, Штерн сам его на пороге встретил, за руку поздоровался, чуть ли не кланялся».

«А потом?» поторопил Скворцов.

«Потом они сидели тихо, радио у них там играло, джаз какой-то иностранный», продолжал сторож. «Я в каптерке сидел, чаек кипятил. Потом слышу: вроде как хлопок глухой, будто доска со штабеля упала. Я не придал значения, мало ли на складе звуков. А минут через пять

дверь конторы скрипнула. Выходит этот, в пальто, садится в машину и уезжает. Спокойно так, без пробуксовки. Я пошел к Илье Борисовичу спросить, закрывать ли ворота на засов, заглядываю в кабинет... а он в кресле. И дыра в груди. Господи помилуй, грех-то какой...»

«Номера у черной машины видел?» спросил Родионов.

«Грязные номера были, сынок, мокрым снегом залеплены», сокрушенно покачал головой старик. «Только буквы помню: МКД. Серия такая была у нас в городе, у исполкомовских и министерских служебных гаражей. Я в советское время на автобазе слесарил, такие номера сразу примечаю».

Родионов переглянулся со Скворцовым. Серия МКД действительно принадлежала закрытым государственным гаражам, обслуживавшим ведомства внешнеэкономических связей и министерства бывшего союзного подчинения.

«А главный бухгалтер где?» внезапно спросил Родионов, вспомнив выпотрошенные полки сейфа. «Кацман Григорий Наумович. Он сегодня был на складе?»

Сторож на секунду замялся, его глаза снова тревожно метнулись в сторону темного двора: «Был. Днем был, часов до пяти. Они со Штерном кричали сильно в кабинете. Ругались из-за каких-то эшелонов и таможни. Кацман кричал, что не станет подписывать липовые ведомости на вывоз лома, что за это к стенке поставят. А Штерн ему в ответ: мол, дурак ты, Гриша, старыми мерками меряешь, советской власти больше нет, а те, кто эти эшелоны ждут, сами любые законы пишут. Потом Кацман выскочил белый как мел, схватил свой портфель и уехал на шестерке. Больше я его не видел».

«Интересное кино получается», задумчиво протянул Скворцов, потирая гладко выбритый подбородок. «Кооператив шьет варенки, клепает пластмассовые расчески, а главбух боится расстрела за эшелоны с металлом. И через полчаса после полуночи на австрийский счет улетает транш на шесть с лишним миллионов баксов. Андрей Викторович, тебе не кажется, что этот тихий кооперативчик - обычная прачечная для чего-то куда более грандиозного?»

«Мне не кажется, Михаил, я в этом абсолютно уверен», ответил Родионов. «Опечатывай все помещения, ставь наряд милиции на ворота и никого не впускай, даже если приедут генералы с ордерами. Мы едем на Таганку, на квартиру Кацмана. Если киллер искал документы, которые не нашел в сейфе Штерна, следующим пунктом его назначения будет главный бухгалтер».

Родионов вышел на холодный бетонный пандус. Метель немного утихла, но с неба по-прежнему падал редкий колючий снег. В темноте гудели маневровые тепловозы, перемещая по путям тяжелые товарные составы, и следователь остро ощутил, как за заурядной ночной расправой на складской окраине разворачивается гигантская, невидимая тень чудовищного государственного преступления.

Глава 2. Кооперативный пирог

Утро тринадцатого марта наступило без рассвета: серая, свинцовая хмарь просто заменила ночную тьму, опустив на промзону в Очаково густую завесу мокрой измороси. К восьми часам утра к воротам складского комплекса кооператива «Вектор» начали стягиваться первые работники. Это были женщины средних лет в пуховых платках и стоптанных сапогах, работавшие на швейном участке в соседнем ангаре, грузчики в грязных телогрейках и водители потрепанных грузовиков «ЗИЛ-130». Увидев милицейское оцепление, натянутую между фонарными столбами полосатую ленту и суровых автоматчиков в бронежилетах, толпа замерла у проходной, испуганно перешептываясь. Слух о том, что хозяина конторы застрелили прямо в кресле, распространился по округе со скоростью степного пожара.

Родионов сидел за столом в небольшой комнатке дежурного диспетчера, примыкавшей к административному крылу. На грубом деревянном столе стояла эмалированная кружка с крепким остывшим чаем, в пепельнице из консервной банки высилась горка окурков, а рядом лежала стопка тонких папок с уставными документами кооператива, изъятыми из шкафа секретаря. Следователь внимательно листал пожелтевшие страницы с печатями исполкома Гагаринского районного совета народных депутатов города Москвы, датированные маем восемьдесят восьмого года.

История кооператива «Вектор» была хрестоматийным слепком эпохи крушения огромной державы. В восемьдесят восьмом году бывший начальник цеха трикотажной фабрики Илья Штерн и скромный старший бухгалтер плодоовощной базы Григорий Кацман зарегистрировали предприятие по пошиву рабочей спецодежды и трикотажных изделий. Начальный капитал составлял всего десять тысяч советских рублей, взятых в кредит в Жилсоцбанке под залог родительских дач. Первые два года кооператив честно кроил брезентовые рукавицы, вареные джинсы с фальшивыми лейблами «Монтана» и кооперативные спортивные костюмы с трилистниками «Адидас», которые расходились сотнями тысяч на Рижском рынке и толкучке в Лужниках. Прибыль была приличной, но вполне предсказуемой для мелких коммерсантов перестроечной волны.

Однако с весны девяносто первого года в финансовой жизни кооператива произошел колоссальный, необъяснимый тектонический сдвиг. В уставе внезапно появились новые виды деятельности: посреднические услуги в сфере внешнеэкономической деятельности, заготовка вторичных цветных и черных металлов, оптовая торговля лесоматериалами и продукцией химического машиностроения. Балансовая отчетность, которую Родионов изучал по уцелевшим квартальным ведомостям за прошлый год, демонстрировала астрономические скачки: обороты кооператива за считанные месяцы подскочили с сотен тысяч рублей до десятков миллиардов. Скромный заготовительный цех в Очаково внезапно стал оператором колоссальных товарных потоков, через которые прокачивались сотни тонн чистейшей катодной меди, титанового проката и никелевых гранул, поступавших с закрытых металлургических комбинатов Урала и Норильска.

Дверь диспетчерской приоткрылась, и в комнату протиснулся капитан Скворцов. От его куртки шел свежий морозный пар, лицо раскраснелось от уличного ветра. Следом за ним, нервно сжимая в руках дешевую клеенчатую сумочку, вошла женщина лет сорока с пергидрольными выбеленными кудрями и густо накрашенными синими тенями глазами. На ней было турецкое кожаное пальто с облезлым воротником из песца, из-под которого виднелся цветастый люрексовый джемпер.

«Вот, Андрей Викторович», представил вошедшую Скворцов. «Тамара Ивановна Сорокина, старший учетчик и второй бухгалтер. Работает в «Векторе» со дня основания. Приехала на смену к девяти, но ребята на КПП ее вежливо придержали для душевного разговора».

Женщина испуганно покосилась на погоны Родионова, села на краешек стула и судорожно шмыгнула носом: «Господи, товарищи начальники, да что же это деется? Правду на проходной бабы брешут, что Илью Борисовича насмерть кончили? Кто же теперь зарплату людям выдавать станет? У нас же сегодня как раз ведомости должны были закрывать по швейному участку!»

«Вы правы, Тамара Ивановна», спокойно произнес Родионов, пододвигая женщине чистый лист бумаги. «Илья Борисович Штерн действительно убит сегодня ночью в собственном кабинете. Одним выстрелом в упор. И если вы хотите, чтобы швейный участок продолжал получать зарплату, а не пошел свидетелем по делу о заказном убийстве и контрабанде в особо крупных размерах, я советую вам говорить со мной предельно откровенно. Начнем с простого: где сейчас находится главный бухгалтер Григорий Наумович Кацман?»

При упоминании фамилии главбуха лицо женщины мгновенно посерело, синие тени вокруг глаз показались нелепыми грязно-темными кругами. Она нервно сжала пальцы, обломав дешевый лак на длинном ногте.

«Не знаю я, гражданин следователь», зачастила Сорокина, дрожащим голосом понижая тон до шепота. «Клянусь вам всеми святыми, не знаю! Григорий Наумович вчера еще до обеда какой-то шальной ходил. Он уже вторую неделю сам не свой был. Похудел, осунулся, валидол пачками глотал прямо в кабинете. Все время телефонных звонков ждал. Как только междугородка зуммерит, он нас с девочками из бухгалтерии прямо пинками выгонял в коридор: мол, выйдите вон, конфиденциальный разговор. А вчера около четырех дня к нам во двор приехала машина. Черная такая, министерская, с мигалкой под решеткой радиатора. Из нее вылез мужчина с кожаным дипломатом, поднялся к Штерну. Через минуту Штерн вызывает по селектору Кацмана. Тот пошел, а обратно вернулся минут через двадцать, и руки у него ходуном ходили».

«О чем они спорили?» вкрадчиво поинтересовался Скворцов, присаживаясь на край стола. «Сторож слышал крики про какие-то эшелоны и таможню».

«Они орали так, что через две двери слышно было!» всплеснула руками свидетельница. «Илья Борисович требовал, чтобы Григорий Наумович немедленно подписал сводный финансовый акт о списании накладных расходов по совместному предприятию «Балтик-Металл». А Григорий Наумович упирался. Кричал: «Илюша, ты с ума сошел, это же расстрельная статья! Какой металлолом, если по документам комбината идет чистый авиационный титан первой категории? Если на таможне в Питере или в Таллине проверят вагоны, нас обоих в Лефортово сгноят!» А Штерн смеялся. Громко так, зло. Говорил: «Гриша, не будь идиотом из совка. Никто ничего проверять не станет. На таможне сидят наши люди, на переходе границу держат те, кому за каждый вагон лично заносят по десять тысяч баксов в конвертах. Все прикрыто сверху, министерство внешних связей лично выдало квоту на вывоз сырья в рамках государственной программы конверсии!»

Родионов сделал пометку в блокноте: программа конверсии, совместное предприятие «Балтик-Металл», Таллиннская таможня. Пазл начинал обрастать конкретными названиями и именами.

«И чем закончился спор?» спросил следователь.

«Кацман бросил на стол папки и крикнул: «Я в эту петлю не полезу! Выводи свои доллары куда хочешь, хоть на Кипр, хоть черту в зубы, а мою долю отдай живыми деньгами прямо сейчас, и я уезжаю в Израиль к сестре!» Штерн на это ничего не ответил, только дверь кабинета с грохотом захлопнул. Кацман прибежал в бухгалтерию, выгреб из своего сейфа личные вещи, какую-то черную тетрадь в коленкоровом переплете, бросил ключи на стол и сказал мне: «Тома, если завтра меня здесь не будет, беги отсюда без оглядки. Тут пахнет большой кровью». Схватил плащ и выскочил во двор. Больше я его не видела. Вечером звонила ему домой на Таганку, гудки идут, а трубку никто не берет».

«А второй экземпляр сводного акта или копии накладных по «Балтик-Металлу» в бухгалтерии остались?» быстро спросил Родионов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.